

Г. М. Шавердян

Уроки демонизма для психологов

Мотивацией к написанию данной статьи явились три известные работы: «Дневник сатаны» Андреева, «Фауст» Гете и «Антихрист» Ницше. Автор предпринимает попытку проанализировать некоторые приписываемые темному духу мысли с целью их проекции на актуальные проблемы психологии, в частности, на проблему мышления. В статье эти мысли рассматриваются с точки зрения самых серьезных и далеко идущих последствий для психологической науки

Ключевые слова: Мефистофель, мышление, психология, исследование, корреляция, трансперсональное, дух

G. M. Shaverdian

Lessons of demonism for psychologists

The three famous works: "The Diary of Satan" (Andreev), "Faust" (Goethe) and "Antichrist" (Nietzsche) were the motivation for writing this article. Author attempts to analyze some thoughts, attributed to dark spirit with a view to their projection on the actual problems of psychology, particularly, on the problem of thinking. In the paper these ideas discusses from the point of view the most serious and far-reaching consequences for psychological science

Keywords: Mephistopheles, thinking, psychology, research, correlation, transpersonal, spirit

*“Измеряя тени, мы познаем небесные светила”
И. Кеплер*

Времен не поддающейся исчислению истории виновником, инициатором и организатором человеческой порчи выступает враг человеческий, под разными именами разворачивающий неутомимую деятельность в человеческой психике. Было бы целесообразно, поэтому, учиться у самого источника порчи, который проговаривается о своих качествах и тайных замыслах в разговорах, например, с Гете, Ницше и Л. Андреевым. Впрочем, если иметь соответствующее ухо, говорить он может с каждым и научить многому, если предположить, что перед нами вовсе не художественное произведение, а научный трактат, выверенный всеми коэффициентами достоверности. В случае принятия этого допущения, необходимо принять и другое, а именно: что сам сатана, против обыкновения, не лжет. По крайней мере можно видеть, как он иногда прозрачно намекает на правду там, где ты ее не ждешь. С его слов: «Я солгу тебе где-нибудь в другом месте, где ты ничего не ждешь, и это будет интереснее для нас обоих» (1), т.е. лжет-то он лжет, но по большей части относительно глобальных целей, а в мелочах может время от времени не лгать, что выяснится по мере вникания в его нечаян-

ные откровения, за которые человек должен испытывать к нему нечто вроде благодарности, потому что, высказываясь, он одновременно предупреждает о том, как не попасть в его сети. «Я покажу тебе, как ты смешон и туп, но ты не возмущайся, а понимай», - как бы говорит он. Совсем как с одной моей приятельницей, предупредившей мужа: «Сейчас я буду на тебя ворчать и кричать, но ты не обращай внимания, чтобы не вышло скандала!»

Скандала с «сатаной» у нас также не выйдет - это не в его правилах; он действует умнее, скрытнее и замысловатее, чем наивные скандалисты, с открытым забралом идущие в бой; бой - последнее дело в череде сатанистских дел, если не сказать самое постыдное. Сатане «по чину» разве что готовить фон для всякого рода конфликтов и свар, в которых незаметно вплоть до степени собственной безучастности замешана его «рука». Он - настоящий мастак загребать жар чужими руками: «Ты слышишь, как поют дураки во всем мире? Это они заряжают пушки. Умному надо только приложить огонь к затравке, ты понимаешь?» - учит он в «Дневнике» (2). И дело не только в конфликтах - все, что может нарушить филигранную точность его воздействия, пошат-

нуть его железную логику, что может быть переживаемо и не может мгновенно поместиться в перекрытую словом мысль, удостаивается его презрения. Вот что он думает: мысли «не вполне ясны, отчетливы и точны, пока Я не выражу их словом: их надо выстроить в ряд, как солдат или телеграфные столбы, протянуть, как железнодорожный путь, перебросить мосты и виадуки, построить насыпи и закругления, сделать в известных местах остановки – и лишь тогда все становится ясно. Этот каторжный инженерный путь называется у них, кажется, логикой, последовательностью и обязателен для тех, кто хочет быть умным; для всех остальных он не обязателен, и они могут блуждать, как им угодно» (3).

Кто, если не ученый, считается умным или по крайней мере хочет быть таковым? Именно он занимается «каторжным инженерным» трудом выстраивания виадуков и мостов, при которых одна абстрактная категория связывается с еще более абстрактной, пустое понятие с еще более пустым, а отвлеченная классификация заменяется еще более отвлеченной. Вот и получаем, к примеру, психологические «перлы» вроде: «*один из видов агрессии – апато-абулический синдром*» или такие понятия как «*явная акцентуация*» как «крайний вариант нормы» и «*скрытая акцентуация*» «как обычный вариант нормы» («акцентуированные черты характера проявляются в основном при психических травмах, но не приводят к хронической дезадаптации выраженности акцентуации») (4). Мы почему-то думали, что что агрессия – это выраженная энергия, а крайности на то и крайности, что тяготеют к патологии, понимая под «крайним вариантом нормы» противоречие в самом определении, а еще, что акцентуация не содержит дезадаптацию, чем и отличается от психопатии или личностного расстройства. Но так ведет бесшабашная логика классификации – раздроблять все на мелкие части, пункты, наименования, расстройства и пр., не видя, как эта классификация распрощалась не только с логикой, но и с жизнью. Очень недвусмысленно на это указывает Мефистофель: «Иль вот: живой предмет желая изучить, \\Чтоб ясное о нем познать получить, \\Ученый прежде душу изгоняет, \\Затем предмет на части расчлняет \\И видит их, да жаль: духовная их связь \\Тем временем исчезла, унеслась!» (5). Прибавляя к одной классификации другую или заменяя одно понятие другим, создается видимость продвижения науки, в то время как она вырождается в комбинаторику и еще более хаотизируется.

В особенности это касается психологии, которая уже потонула в схемах, графиках и гистограммах и цифрах, – типичное «выстраивание в ряд мыслей как солдат или телеграфные столбы» и фабрикование мыслей по инструкции Мефистофеля: «По мне, полезен был бы тут для вас \\ Курс логики: хоть опыт и рискован, \\ Начнут дрессировать ваш ум, \\ Как бы в сапог испан-

ский зашнурован, \\ Чтоб тихо он, без лишних дум \\И без пустого нетерпенья, \\ Вползал по лестнице мышленья, \\Чтоб вкривь и вкось, по всем путям, \\Он не метался там и сям» (6).

В самом деле, зачем метаться «там и сям», если, например, волю можно заменить мотивацией, кое-как залатав дыры непонимания этой психической силы и прикинувшись, что мотивацию легче подвергнуть эмпирии, чем волю; если неумение органически решить проблему интегративной психологии маскировать непонятным «системным подходом», а проблему соотношения интеллекта и эмоций раз и навсегда решить несуразным понятием «эмоциональный интеллект»? Меж тем, психология как раз и есть «там и сям», но не в смысле разорванной логики шизоида или произвольной антилогики истерика, а в ракурсе «умных» отступлений, интерпретационных вкраплений, установления всеобъемлющих связей и глубинных осмыслений эмпирического материала. Опасаясь этих двух антилогик (антилогосов), психолог выбирает застывший материал, взятый в скудном цифровом и графическом облики, к которому прибавляется одно-два вялое словесное выражение, тогда как психология есть не «что» материала, а его «как». Типичный жест психологии – сложные переливающиеся ходы «там-сям», «туда-сюда» «вверх-вниз», что требует затруднительного и терпеливого додумывания «поведения» этого «что» вплоть до нахождения скрытой в нем идеи превращения «откуда» в «куда». Ум, отвыкая от этих усилий, уже не замечает противоречий и подводных камней, которые скрыты за ровно расставленными «телеграфными столбами», причиной чему является наученный наукой автоматизм и ригидность мысли. Психологам в пору было бы говорить не о синдроме выученной беспомощности личности (М. Селигман), а о выученном квалифицированном умении расставить все по местам – проблему, методы, обработку данных, обсуждение результатов, и все без единой тени сомнения или намек на апорию, в результате чего получается все та же беспомощность, но в виде защищенных диссертаций и статей в научных журналах.

Выученная беспомощность», слабость и ратерянность психолога выявляются не сразу. Доверху утрамбованные в голове термины, категории, классификации, корреляции, корреляции и еще раз корреляции*, т.е. аккуратно расставленные «телеграфные столбы» есть единствен-

* Вполне научными могут быть одни цифровые данные шкал и без корреляций. Нам трудно избавиться от навязчивого визуального сходства гистограммы с телеграфными столбами с той лишь разницей, что первые расположены чаще, чем телеграфные столбы. А вот рецепт изготовления науки из «Кухни ведьм», составленный из цифровых ингредиентов: «Ты из одной \\Десятку строй, \\А двойку скрой, \\О ней не вой. \\Дай тройке ход, \\Чтоб стало чет, \\И ты богат. \\Чет-верку спрячь, \\О ней не плачь, \\А пять и шесть \\С семеркой свесь, \\И до восьми их подыми. \\Девятка – кон, \\Девятку вон. \\Вот ведьмина таблица умножения». (Гете, «Фауст» в переводе Б. Пастернака, Собр. соч., т.2, М., «Художественная литература», 1976 стр. 96).

ное достижение психологической науки и ее единственный метод. Следовало бы, однако, напомнить, что корреляция есть не более, чем «статистическая взаимосвязь двух случайных величин», иначе говоря, количественная связь двух случайностей. В свою очередь, статистика есть «отрасль знаний, в которой излагаются общие вопросы сбора, измерения и анализа массовых данных или изучение количественной стороны массовых общественных явлений в числовой форме». А что такое количество, если не «категория, выражающая внешнее, формальное взаимоотношение предметов или их частей»? (7) Следовательно, предметом психологии является внешнее, формальное, общее, массовое, среднее, количественное и случайное! Естественно, что на этих путях психолог достигает или исключительно «*opinio communis*» и «*locus communis*» — общего мнения и общих мест, как то: «любовь родителей важна для развития ребенка», «этническая толерантность приводит к конструктивному типу межэтнического взаимодействия», «семья может рассматриваться как фактор безопасности личности» и пр.*, или слишком частного, «дробного» вывода, оговариваемого сакральными фразами типа: «на примере нашей выборки», «в данном субкультурном пространстве» или «впервые в нашей стране», при этом нисколько не заботясь о том, в каких взаимоотношениях находится это частное исследование к целостному, не говоря не говоря уже о том, что этот результат может значить для мира и возможно ли вследствие него хотя бы в малом изменить мир в лучшую сторону, включив себя и исследованное в мировую взаимосвязь. Всякое знание, учил Сен-Мартен, «является подлинным знанием лишь тогда, когда указывает нам на первоисточник творения, свидетельствуя о внутренней объединенности мира» (8). С момента написания этих строк прошло почти два с половиной столетия, а ученые продолжают накапливать разъединенное и, как следствие, разъединяющее мир знание. «Вы только сейте, урожай придет», - приговаривает

* Кстати, «безопасность личности» можно поставить в ряд с такими пустыми и вместе с тем вредоносными понятиями, как «консультирование», «эмоциональный интеллект», «толерантность», «гендер» и прочей бесовской дурью. Эти терминологические измышления подвластны туманной интеллектуальной возне и неподвластны более или менее вразумительному определению. В частности, один из учредителей международного движения «Партнерство ради безопасности личности» предлагает следующее определение «безопасности личности»: «Безопасность личности означает защищенность людей от опасности как насильственного, так и ненасильственного характера. Это состояние, характеризующееся отсутствием нарастающей угрозы правам человека, его безопасности и даже жизни... Для того, чтобы определить, целесообразно ли рассматривать тот или иной вопрос в контексте безопасности личности, следует выяснять, в какой степени защищенность людей подвергается угрозе» (www.eycb.co.e.int/compass/ru). Неизвестно только, что сначала следовало бы выяснить: степень, в которой «защищенность» подвергается угрозе, угрозу, которая грозит безопасности или саму эту степень.

Мефистофель, урожай, в котором нашли обиталище «моль, букашки и жучки»: «...Пергаменты, глазницы черепов, \\ Под этой гнилью и негодным ломом \\ Естественно водиться насекомым» (9).

Меняя выборку, психолог, собственно, не продуцирует идею, но повторяет и перепевает прежнее, не идя дальше сомнительного «это объясняется культурными различиями». Латентная установка этих исследований заключается в идее, что в гуманитарном знании не может быть ничего нового и следует поэтому перепевать исследованное, уподобляясь невежественному сектанту, который в своих исканиях не идет дальше: «так написано в святой книге». «Когда б ты знал: нет мысли мало-мальской, \\ Которой бы не знали до тебя!» - объявляет Мефистофель бакалавру (10), тем самым отмечая саму возможность индивидуального знания и убивая охоту познавать. Ибо общие места скучны. Когда же результаты исследования, вследствие все той же «выборки» не совпадают с общими местами, никого не волнует, что нарушается один из критериев научности — воспроизводимость: если повторные эксперименты и наблюдения не подтверждают научные данные, они таковыми считаться не могут. Психолога эти вопросы не смущают. Он или игнорирует требование воспроизводимости, получая не связанные с опытом психологии результаты, или упоительно умножает общие, а если не церемониться - отходные места, из года в год превращая психологию в мостильник мусорных отходов**. Он утилизирует этот мусор в диссертациях, научных статьях и грантах, часто исключительно для собственного прочтения и с единоличным авторским правом (так, к примеру, выразился чиновник от Комитета науки Армении, защищая авторское право финансируемых тем). Инженеру телеграфных столбов (как, впрочем и самому сатане) в голову не могла бы прийти мысль, что технология изготовления и установления телеграфных столбов служит исключительно ему самому на манер «сам танцую, сам пою». Что касается проблем, то зачастую их следовало бы вовсе не исследовать, чтобы их знать - достаточно было бы элементарной наблюдательности (Антоний Сурож-

** Что касается санкции на верификационность, которая основывается исключительно на своеобразии выборки, то стоило бы напомнить мысль А. Пуанкаре о том, что «небольшие различия в начальных условиях порождают огромные различия в конечном явлении, и предсказание становится невозможным». На этом был основан т.н. эффект бабочки, обозначающий свойство детерминированно-хаотичных систем: незначительное влияние на систему может иметь большие и непредсказуемые последствия где-нибудь в другом месте и в другое время. По Э. Лоренцу, бабочка, взмахивающая крыльями в Айове, может вызвать лавину эффектов, которые могут достигнуть высшей точки в дождливый сезон в Индонезии. Психика человека чувствительна к самым малым воздействиям, и детерминированный хаос, порождаемый избытком исследований на основе выборки, не имеет шансов синтеза накопленных результатов и прогностических выводов.

ский рассказывал об одном клятвенном атеисте, который просто наблюдал за выражением лиц людей, входящих и выходящих из храма. Задав-шись вопросом, почему с этими людьми происходят изменения, от пришел к вере и вскоре окрестился). Правильное, вдумчивое, как бы сказали психологи, систематическое полевое наблюдение чувственной действительности позволило Гете прийти к научным открытиям без тестов, приборов и нанотехнологий в естествознании и психологии.

Заслуживает упоминания и *modus operandi*, по которому валидность результатов исследования «притягивается за уши»: «когда тест дает значимо различающиеся коэффициенты валидности в двух группах, это различие называют систематической ошибкой наклона. Этот вид групповых различий описывают как дифференциальную валидность. Некоторые исследователи используют также термин «одно-групповая валидность» (*single-group validity*)» (11). Спрашивается, стоило бы так заморачиваться по поводу статистического анализа, если проблема валидности решается так непринужденно?

Мыслить по технике «телеграфных столбов» означает, прежде всего, быть прямолинейным. Прямой путь добывания научных истин в такой отрасли, какой является психология, – такой же абсурд, как непрямой, многозначно эмоционально мотивированный путь в математике. Ход решения одной психологической проблемы приводит к соприкосновению с рядом других проблем, и исследователь проходит своеобразное «испытание водой», выплывание из которой равносильно осознанию содержания собственного «фоновое» и «всплывающего бессознательного» (К. Уилбер). Без такого «испытания» частный результат не будет соотноситься с целым, и отпадет сама необходимость отделять частное в целях анализа. «Разделяй единство, – говорил Пифагор, – но всегда так, чтобы иметь в мыслях остаток, соединенный с тем, что было отделено», ибо дух – един, а душевно-духовная познавательная деятельность, придерживающаяся этого единства, вставляет любое знание не как звено в цепь, а как орган в организм. Под знаком этого всепроникающего единства духа психология не будет раздраема между гуманитарным, социальным и естественно-научным, а смыслы «фьюзиса» и «психе» окажутся не враждебными друг другу, а друг через друга постижимыми. В этом направлении психологию ждет переосмысление всего накопленного опыта, иначе еще не одно десятилетие топтаться ей на месте, выдавая позитивизм за концептуальность, а манипулятивные приемы за праксис. «Позитивизм – не осознавшее себя отчаяние», – заметил Т. Адорно. Он возник и марширует по психологическим феноменам «не от хорошей жизни», а за неимением и неумением иных познавательных путей, не менее объективных и точ-

ных, однако выходящих за рамки психического в область духовного знания, которое, освещая его с другой, сверхчувственной стороны, выступит главным критерием оценки психологического знания. «Тайны психики имеют тенденцию не только скрываться, но и множиться по мере ее развития. Однако, в зависимости от понимания этой на сегодня предельной сущности психики, получают определенную интерпретацию все известные психические феномены. Так, сказав себе, что сущность психического – в его способности отражать объективную реальность, мы нашу психическую жизнь можем ограничить рамками познавательной активности. Если прибавим к отражению еще и регуляцию, – то психическое предстанет пред нами как механизм, позволяющий человеку ориентироваться и принаравливаться к природной, социальной среде, достигая согласия с самим собой. Если на новом уровне психологического познания сущностной чертой психического устанавливается сознательная преобразовательная, созидательная, творческая душевно-духовная деятельность человека, то именно эта черта выступает главным критерием переоценки имеющихся знаний и главным ориентиром в последующих психологических исследованиях» (12).

Тот же не прямой путь относится к достижению терапевтического эффекта: опытный психотерапевт знает, что если со второй или третьей встречи пациент доволен и счастлив, то что-то пошло неправильно, и это неправильное труднее выправить, чем начать сначала. Прямой, плоский и выхолощенный путь – «сделай так и будет так» – чреват превращением практики психологии в некий род сборника по инструкциям. «Психология, осторожно замечает Б. Братусь, теряет статус науки и приобретает статус кулинарии» (13). Действительно, иные рандомизированные эксперименты более подходят к поисковому инструменту рейтингов ресторанов быстрого питания, чем к исследованиям психических феноменов. При этом, чем более экспериментатор стремится к чистоте и точности эксперимента, применяя, например, экспериментальный прием «двойного ослепления», тем «незрячим» оказывается вывод. Еще ничего, если это касается подсчета латентного времени исполнения задания испытуемым или кожно-гальванического измерения, но как организовать экспериментальное исследование таких психологических феноменов как «совесть», «интуиция», «архетип», возникающий в момент своего выявления и мгновенно видоизменяющийся при попытках интерпретации? «Я должен признать, – пишет Юнг, – что не могу представить себе ни одного прямого пути для решения этой задачи», очевидно, включая сюда созданный им метод активного воображения (14). С нашей стороны включим сюда также проективные методы, которые, правда, не представляют

собой «прямой путь», но многократно биты академичными экспериментаторами.

Но именно это советует Мефистофель блуждающему огню: «Не подражай двуногому отродью, // Валяй во имя черта по прямой» (15). «Валяя» во имя черта по прямым корреляциям, получаем чертовски правильно расчерченную картину психики, взамен не поддающейся исчислению и черчению просветленной и одушевленной науки о душе. Но для этого необходимо мыслить не в неподвижных и стагнированных понятиях, относя психику к неорганическому миру, («телеграфные столбы»), но мыслить метаморфозы становящегося*. Психолог улавливает стоп-кадр опыта (согласно К.Роджерсу, это совершает Самость) и устанавливает связи между этими опытными отрезками (обрубками), но ему «не хватает дыхания» раскодировать полученную закономерность и генерализировать актуальную закономерность в базовый закон. Пример из медицины: достоверно обнаружено, что некоторые дисфункции щитовидной железы возникают из-за недостатка йода, но проблема заключается не в йоде, а в причине, из-за которой организм теряет способность ассимилировать йод, что связано с «единой длительностью» организма, а не с «протяженностью пространства» (как говорил французский драматург А.Арто, «я не работаю в протяженности какого бы ни было пространства. Я работаю в единой длительности»). Если Самость по Роджерсу вырывает эпизод опыта и запечатлевает его («мотор, стоп, снято!»), а психолог подчиняется отупляющей традиции использования принятого инструментария, чтобы обеспечить «validation-by-experience», то Самость по Юнгу, также имея дело с опытом, достигает мыслительного видения, которое обеспечивает состояние сознания, называемого им «индивидуацией», при котором из-под контроля сознания не проскакивает ни одно содержание бессознательного и при котором можно осязаемо воспринять собственный «комплекс» или «Тень». При отсутствии подобного познания психолог в глубине души должен испытывать нечто наподобие эффекта Зейгарник - мобилизующее ментальное напряжение, вызванное смутным ощущением необходимости завершения неоконченной задачи. Как правило, однако, отсутствует даже подозрение на возможность такого опыта, потому что результаты должны быть предсказуемы, управляемы и сведены к успеху, вместо того,

* Что случилось? Камень вышел из горы. \\\\ Кто проснулся? Я и ты

Говор. Речь. С звездой. У земли. \\\\ Бедные. Открытые. В родимом были мы.

Куда отправились мы \\\\ Прерванному звуку вопреки
Вместе с камнем и нами двоими? \\\\ Сердце и сердце. Шли мы и шли.

Слишком трудно найти, проявиться. \\\\ Легче быть. Тяжелой становиться.

Пауль Целан, Что случилось? Was geschah? (перевод автора)

чтобы быть продуктивными в познании и самопознании глубинных (не в узко-психоаналитическом смысле) феноменов психической жизни. Но для этого необходимо сначала вернуть в научный эксперимент изгнанный из нее субъект познания (конечно, при условии психического здоровья данного субъекта) и заново оценить мыслящий дух, вернув ему заслуженное доверие. Ведь психология, по сути, началась с недоверия, ибо латентная установка лаборатории в Лейпциге состояла в следующем: «Мы больше не верим вам, когда вы говорите, что переживаете именно эту эмоцию, поэтому проверим вашу кожно-гальваническую реакцию». Говоря иначе, исследователь уже не может полагаться на субъекта психического содержания, поэтому лучший способ избежать субъективности — изгнать сам субъект. Дело не в том, что, начиная с В.Вунда, сменился метод исследования психических явлений (от интроспекции к эксперименту, а потом к тестированию и математической обработке), и не в том, что «душа» в мгновение ока переименовалась в «психическое», а в том, что под флером «объективности» был раздавлен носитель психического, после чего натиск чувственного, т.е. всего, что не имеет отношения к субъекту и его внутреннему миру, не заставил себя ждать. Интуитивное восприятие в области сверхчувственных явлений, как и само сверхчувственное явление, каким является идея, были выброшены не задворки метафизики, а бессовестно распространившееся заблуждение о том, что «мысль материальна» окончательно десакрализовало душевное.

Хотя психоанализ и аналитическая психология, поставив субъект в центр рассмотрения, сдвинули дело с мертвой точки, но компромиссное лавирование между бессубъектным естествознанием и неестественной субъективностью (Фрейд говорил о "среднем месте, занимаемом психоанализом между медициной и философией", а Юнг называл психотерапевта «философствующим врачом»), существенно не продвинули проблему объективности внечувственного в психологии. Если В.Вундт убеждал, что объективным может считаться только существующий вне субъекта объект восприятия и «очищал» эксперимент от субъекта и его ощущений, то Юнг признавал за сверхчувственным (вплоть до демонов) единственную реальность, а свой диалог с архетипами рассматривал как «научный эксперимент, считая его своей своей жизненной миссией» (16). За «объективным» стало подразумеваться все, что исходит из субъекта восприятия, и что он признает за истинное. В социальной психологии такой подход расцвел пышным цветом - от теории личностных конструкторов Дж.Келли и пересчета реальностей нлпштов до радикального конструктивизма и «изобретенной действительности» П. Вацлавика: нет объективной реальности, существующей

отдельно от наблюдателя, существует только наша «модель реальности» и она субъективна. Но здесь уже перестала функционировать сама действительность, а субъект, на манер типично симптоматологической истерички, «захотел» изобретать мир, как ему вздумается. Если на пути к объективности, которую обеспечивают органы чувств (сюда относятся также устройства и приборы для увеличения валидности), бихевиористы потеряли себя, то психодинамисты, на пути к объективности, которую обеспечивают внутренние ощущения, потеряли мир. Факт, что пациенты Фрейда тревожатся (или видят сны) по-фрейдовски, Юнга — по-юнговски, а Адлера — по-адлеровски, даже если не подходить к науке как замкнутой системе причинно-следственных связей, требует выхода в действительность и ответа на вопрос «какова природа этой тревоги в действительности?». Гипертрофирование ситуации наводит на прямые аналогии с нарушениями психосенсорного синтеза. «Я» бихевиориста отчуждено или отсутствует, поэтому при сохранности ощущений, синтетическая способность мышления недоразвита; «Я» психодинамиста подвержено аутопсихической деперсонализации, поэтому синтетическая деятельность мышления сохранна, но произвольна. Бихевиорист (и в целом позитивист), опираясь на восприятие, демонстрирует свободное от концептуальности^{*} утилизионно-полевое поведение^{**}, при котором поле уничтожает волю; психодинамист, опираясь на идею (например, идею эдипова комплекса), демонстрирует подчиненное концепции волевое поведение с полным безразличием к полю, словом, поле и воля никогда не встречаются. С появлением усовершенствованных аппаратов бихевиоризм с определенными трансформациями продолжился в исследованиях нейронов и синапсов (Мефистофель: «Все в мире изменил прогресс. \ \ Как быть? Меняется и бес» (17), где исследователь как сквозь замочную скважину видит часть тела, но не психику, вследствие чего он при всей технической оснащенности запутывается в соматопсихологических связях, привнося в психологию нейронно-гормональный редукционизм и предубеждение относительно финальных объяснений психики через мозг и секрецию. В свою очередь, психодинамизм, начавшись с банального принципа удовольствия, запутался в языковых фантазмагориях лакановского типа и еще более углубил субъективизм.

* В лучшем случае концептуальность его ограничивается короткими инструкциями к корреляциям. Как говорил В.Шкловский "нет ничего лживее коротких истин".

** Утилизационное поведение — термин введенный французским неврологом Франсуа Лермитом для обозначения феномена, встречающегося у пациентов с болезнью лобных долей головного мозга. Проявляется в неспособности больных противостоять побуждениям к действиям окружающими их предметами, находящимися в зоне досягаемости. Происходит это за счет подавления волевого поведения полевым.

Ошибки неизбежны, куда психология вернется только внутри пространства чувственности и куда в этом пространстве может продвигаться только методом проб и ошибок. «Дьявол старается развлекать наши взоры, чтоб из взоров наших ускользнула вечность» — говорит Игнатий Брянчанинов. Чувственность как единственная реальность, подвластная познанию — мощное оружие оболочения и корень насылаемой лжи, ибо богопротивны не «рога и копыта», а непрекаемая уверенность в том, что наше познание и жизнь ограничены органами чувств или, словами армянского мистика X века Г. Нарекаци, «великими домами пятерых избалованных и безжалостных братьев», которые всегда будет препятствием на пути к достижению абсолютных и неподвластных ошибкам истин^{***}.

Но если чувственное познание есть источник ошибок и не приводит к непреходящим истинам, возможно ли сформировать идею из чистого мышления без опоры на чувственность? С этих позиций пытается решить вопрос Р.Ассаджиоли, делая упор не на субъекте (психодинамизм), и не на объекте (позитивизм), а на продолжении объекта в субъекте — в его мышлении, которое прорабатывается до сверхчувственной идеи предмета. Речь идет не о личностном, а о духовном психосинтезе, в основание которого поставлены слова Гете: «Все преходящее есть только символ». Пройтись путем медитации к сути всего, что может существовать в чувственном мире, переживая во всем, включая нас самих («все индивиды включены в надличностную духовную Реальность и каждый из них является ее частью»), символы надличных переживаний, означает не только приведение личной воли в соответствие с волей "Духовного Я" или Высшей волей (духо-психо-синтез), но и био-психо-синтез, изменяющий соматический статус (18). Иногда, считает Ассаджиоли, какие-то содержания сверхсознания, могут «нисходить» в область обычного сознания, принося так называемое «вдохновение и наитие», но для духовного развития необходимо, чтобы человек сам приложил усилия и мужественно преодолел все фазы духовного кризиса или «периода темной ночи души» — давящие, терзающие, депрессивные и психотические состояния. Последние стоят на пути к тому, чтобы настолько глубоко познать личностный, чувственный мир,

*** В обращении Г.Нарекаци к Христу есть следующие строки: «Для исцеления душевных ран не чувствуешь нужды ни в снадобях, ни во времени, ни в инструментах, ни в продолжительности изо дня в день, ни в применении различных лекарств, ни в вскрытии, ни в прижигании, ни в операции, ни в других земных леченьях, которые подвластны всегда осечкам, провалам, самым ошибочным неудачам. Для тебя, Создателя души и тела, все ясно, написано, очевидно, все легко и возможно: помыслил и воплощено, обещал — сделано, изъявил желание — свершено. Наследие твое Жизнезаветно, решение спасительно, письмена — благостный дар» (Г.Нарекаци, Книга скорбных песнопений, Ереван, «Нарек»-«Наири», 2005, стр. 286 (на арм.яз., подстрочный перевод).

чтобы любая вещь в нем, включая его самого, открыла символ надличности или знак скрытого в нем духа. В самопознании это отражается как опознание и осознание всех «Я» – от низменных селфов и сознательного эго до Высшего «Я». И только последнее, в отличие от предыдущего не должно, да и не может быть разотождествляемо (нечто подобное предлагает и гештальттерапия – осознание и освобождение от клише, ролей, привычных мыслей, принципов и пр. – всего, что может каким-либо образом охарактеризовать обычное, а не истинное «Я», т.е. человеку необходимо сложить с себя фактически все, что он есть).

Если Ассаджиоли предлагает путем мышления (медитации) и через мысль пробиться к заложенной в вещи идее, иначе говоря, пробиться через чувственное к сверхчувственному, на чем познание как таковое заканчивается, то трансперсональные психологи на этом не останавливаются. Пройдя ступень познания материального или грубого мира, они продолжают познание сверхчувственного (тонкого мира), прибегая к необходимости особой процедуры, носящей названия измененных состояний сознания (ИСС), не только пролонгируя познание чувственного в сверхчувственном, но узнавая сверхчувственное в своих конкретных проявлениях – в визуализациях. Форма, в которой это сверхчувственное проявляет себя, есть переживание. В итоге, чтобы выпутаться из тупика, который носит название «современная психология» и пробиться к «временупорным» реальностям психической жизни, трансперсоналисты требуют соблюдения двух условий: отказаться от обычного сознания и не мыслить, а переживать. Совершенно очевидно, что психология уже не могла замыкаться в границах восприятий внешних чувств, уже стало невозможным удерживать насущную потребность исследователя души пробиться за «пятерку» и создать заслон монополии позитивизма. Но на почву Запада трансперсоналистами был посажен древний спиритуальный импульс Востока, поэтому понадобилось отеснить «Я-сознание» западного человека и вдвинуть его в ИСС, в противоположность антропософии, которая возросла основанной на сознании и, как бы странно это ни звучало, естествознании радикально новый импульс.

То, на чем остановились Гете («созерцающая сила суждения», «духовное зрение», «духовный слух»), Юнг («умозрительное восприятие духовных сущностей через активное воображение»), Ассаджиоли («символы надличных переживаний»), получило свое дальнейшее развитие в «перинатальных матрицах и трансперсональных переживаниях» (С. Гроф) и «визуальной логике» (К.Уилбер). В работе «Пол, экология, духовность» (2000 г.) К.Уилбер определяет визуальную логику как предел рациональной мысли и мост между ментальным и трансментальным

или духовным. «Это – важная стадия передового края глобальной трансформации. Но как всегда, особенно при самопознании, «новые и более высокие способности приносят с собой возможность новых и более сложных патологий. По мере того, как визуальная логика добавляет возможностей оку ума, она в результате приходит к гнетущему выводу: жизнь личности есть лишь мгновенная вспышка в космической пустоте. Это душа, что слишком проснулась. Это душа на пороге надличностного». По сути, здесь мы снова имеем дело хоть не с абстрактным, но все же умозрительным пониманием духовных реалий – «мыслесуществом», а не духовным восприятием обладающего субстанцией реального существа. Кроме того, не указывает ли отмеченная К.Уилбером экспектация патологий на ошибочный, свойственный прошедшим эпохам и не соответствующий современности «вход» в тонкий мир? Полагаем, ошибка заключена также в неподготовленности сознания и отсутствии знаний об этом мире; было бы практичным, поэтому, сначала познакомиться с этим миром и его обитателями через свидетельства духовидца, оберегающего и упреждающего различные патологии при входе в духовный мир. Было бы не лишним также получить эти знания в результате изучения исторических фактов, которые остались позади внешней истории и относятся к внутренней истории человечества или «истории самосознающей души» (А.Белый), подобно тому, как психотерапевт, не ограничивающийся симптомом, за фактами внешнего анамнеза распознает историю становления личности. Ибо слагать историю из фактов, не зная, какие духовно-космические события стоят за этими фактами (напомним один из герметических принципов: «что внизу, то наверху»), а также отмечать опыт мистерий, религиозных практик, орденов, алхимиков и др., равносильно уничтожению истории наподобии китайского министра Ли Су, предложившего начать историю с нового монарха, после чего книги о прежних императорах было приказано конфисковать и сжечь, оставив только те, где говорилось о медицине и земледелии (19), очевидно, селективируя историю по принципу «что в хозяйстве сгодится».

Итак, возможно ли пробиться к сверхчувственному, в противоположность древним мистериям и трансперсональному опыту, сохранив ясное сознание? Возможно ли, наряду с переживанием, также перцептивное познание реалий сверхчувственного мира? Иначе, возможно ли после того, как мышление трансформирует понятие в идею, к примеру, идею архетипа Тени, увидеть эту Тень как существо, принадлежащее тонкому миру, постигая ее инспирации, которые проявляются в мышлении и поступках? Может ли мысль, начавшаяся от сенсорной формы материального мира, через ряд превращений посредством медитивных усилий, уже в качестве

чистой идеи продолжиться в сенсорике или экстрасенсорике духовного мира?

По Р.Штайнеру, после прекращения действий внешних чувств (по С. Грофу, сенсорный барьер) необходимо пройти еще три ступени познания, обучения или развития высших познавательных способностей. Первая ступень познания (как показано, наличествует в психосинтезе, аналитической и трансперсональной психологиях) и состоит в образовании чувственно-образных представлений (имагинация)*. Далее и эти образы устраниваются из сознания. Здесь необходимо изгнать мысли, но волевым усилием сохранить сознание, чтоб не уснуть, по сути, сохранить не свои мысли, а деятельную силу мышления, потому что обычные, опосредуемые мозгом мысли предназначены для познания чувственного мира. Вследствие этого возникает возможность воспринять не только мыслительные имагинации первой ступени, а сами сверхчувственные существа, одновременно ощущая себя как результат их волевых импульсов (инспирация). На третьей стадии (стадии не обязательно последовательны) человек познавательным включается во взаимосвязь мира и испытывает чувство единства своего сознания с сознанием сверхчувственных существ (интуиция). Все это сопровождается физиологическими изменениями в симпатической нервной системе, но главное: с бесконечной ясностью человек осознает собственные моральные ошибки и упущения: «в тот момент, когда человек душевно-духовно выходит из физического и становится причастным к духовному миру, он оглядывается на свою жизнь с ее несовершенствами... Этот опыт получают с первых шагов в духовный мир; а если этого не происходит, значит идут неверным путем» (20). Как видно, это не имеет сходства со слепой верой, подавлением мышления и изменением сознания мистического или трансперсонального опыта, наоборот, интенсифицируется самый важный оберег человека против демонических искажений в опознавании существ духовного мира — сознание, возвращенное на знание истин о духовном мире. Например, знание о существах астрального мира оберегает от страха и иллюзий при встрече с ними, чего, к примеру, не избежал Юнг («Красная книга»). В результате такого обучения приходят не «к гнетущему выводу: жизнь личности есть лишь мгновенная вспышка в космической пустоте» (К.Уилбер), а к пониманию, что «великие загадки бытия, ве-

* Гете прозрачно указывает эту стадию. Поначалу Мефистофель удерживает Фауста от такой возможности: «Но в той дали, пустующей века, \\\ Ты ничего не сыщешь, ни единой \\\ Опоры, чтоб на ней покоить взор, \\\ Один пустой, беспочвенный простор». Фауст: «Но я в твоём «ничто», надеюсь, кстати, \\\ Достать и все посредством тех же чар». Только после этого разоблаченный Мефистофель («черта знаешь ты насквозь») открывает тайну матерей: «Тогда спустись! Или: «Направься ввысь», \\\ - Я б мог сказать. Из мира форм рожденных \\\ В мир их прообразов перенесись». Гете, указ. соч., стр. 235-236

ликие вопросы судьбы могут быть решены из духовного знания; человек может знать, что в нем рождается и умирает, а что является вечно существующим ядром (21). Все это, однако, требует невероятных мыслительных и волевых усилий, потому что человек уже не одаривается откровениями свыше, но должен найти ответы на великие вопросы *сам и в себе*: «От дней же Иоанна Крестителя и доныне Царствие небесное силой берется» (Матф., 11:12).

Науку психологии вполне можно считать правопреемницей философии Бекона Веруламского, настоятельно требующего черпать идеи о душе только из видимого мира. Это удивительно скликается с рассуждением Мефистофеля: «Зачем трудить мозги напрасно? \\\ Валяйте лучше напрямик. \\\ Кто улучит удобный миг, \\\ Тот и устроится прекрасно» (22). Счастливы вытесняющие эти познавательные дискомфорта психологи прекрасно устраиваются, а их науку можно легко опознать по маркерам грантов, изменивших предмет, содержание и назначение психологии. «Наука, - говорил Эдвард Бульвер-Литтон, - океан, открытый как для ладьи, так и для фрегата. Один перевозит по нему слитки золота, другой ловит в нем сельдей» (23). Бизнес по ловле и консервированию сельди, основанный на внушительной доказательной базе и приправленный цитатами из гуманистической психологии напоминает размышление сатаны по поводу вложения капитала и любви к ближнему**. И такие ученые вызывают у иных почтение и даже волнение, если не сказать слезы. Психология разделяет судьбу современного человечества: с одной стороны, гуманистические «слезы», а с другой, - холодный ум филистера.

** Лишь одно утро Мне удалось провести с интересом и даже в волнении. Какая-то «свободная» церковка, собрание очень серьезных дам и мужчин, желающих верить по-своему, пригласила Меня прочесть воскресную проповедь. Я надел черный сюртук, в котором Я напоминаю... Топпи, и проделал перед зеркалом несколько особенно выразительных жестов и выражений лица, потом в автомобиле, как пророк-модерн, примчался в собрание. Темой Моей, или «текстом», было обращение Иисуса к богатому юноше с предложением раздать все свое имение нищим - и в полчаса, как дважды два четыре, **Я доказал, что любовь к ближним наилучшее помещение для капитала**. Как практичный и осторожный американец, Я указал, что нет надобности хвататься за целое Царство Небесное и сразу бросать весь капитал, а можно небольшими взносами и рассрочкой приобретать в нем участки - ...«с дивным видом на окрестности». Лица верующих приобрели сосредоточенное выражение: видимо, они вычисляли - и сразу прояснились: Царство Божие на этих условиях приходилось каждому по карману. К несчастью, в собрании присутствовало несколько слишком сообразительных Моих соотечественников, и один уже поднялся, чтобы предложить акционерную компанию, но ... целым фонтаном чувствительности Я с трудом загасил его религиозно-практический жар! О чем Я не говорил? Я ныл о моем грустном детстве, проведенном в труде и лишениях. Я завывал о Моем бедном отце, погибшем на спичечной фабрике, Я тихо скулил о всех моих братьях и сестрах во Христе, и здесь мы развели такое молох, что журналисты запаслись утками на полгода. Как мы плакали!» (Л.Андреев, Дневник сатаны). Приносим извинения за длинную цитату, но «андреевский» сатана, в отличие от Мефистофеля и Антихриста, несколько синтонен.

Эти двое*, хотя и враги, между ними даже нет настоящей схватки, потому что умиляющийся абстрактно-христианским человеколюбием имеет с беспощадно просчитывающим одну цель: оба они крадут «знание крестное». «Дьявол готов нам придать в десятеро здравого смысла и умножить тысячекратно наши практические сведения, - говорит Игнатий Брянчанинов, - лишь бы украсть у нас знание крестное, при коем можем стать одеснуо Бога» (24).

Психологам никогда не давало покоя это знание, т.е. другая, «антиверуламская» сторона науки о душе, к которой еще Выготский применял термин «метафизическая» или «спиритуальная» психология. В Библии, отмечает М.Я. Дворецкая, даны типы организации человека, соответствующие различным типам психологии: состав «ветхого» человека прост — «тело-душа», у «обновляющегося» человека состав также определяется дихотомией «тело — душа», но «новый» человек, описанный в новозаветной концепции, трехсоставен — «дух-душа-тело» (25). Именно «новый человек» или самосознающий дух, переросший ловкое, плоское, удобное и усыпляющее мышление «ветхого», должен составить интерес психологии, и она в этом случае сможет уподобиться званию правопреемницы ни больше, ни меньше, но Нового завета. Что до Евангелий, то они представляют собой уж совсем не «телеграфные столбы», о чем предупреждает Антихрист: «При чтении этих евангелий нужно быть как можно более осторожным: за каждым словом встречается затруднение. Я признаюсь, - и меня поддержат — что именно этим они доставляют психологу первостепенное удовольствие, как противоположность всякой наивной испорченности, как утонченность *par excellence*, - как виртуозность в психологической испорченности» (26).

Изрядной части психологов нет дела не

только до «наивной испорченности», но и «виртуозной» — они не обращают внимание на психологические реалии, которые содержат затруднения и противоречия. В самом деле, зачем тужиться, если «последние» вопросы все равно не решить? Чего доброго еще можно, напрягая ум, и вовсе сойти с него, и это предостережение звучит из «Дневника»: «Работа медленная, трудная и отвратительная... И недаром они так уважают своих мыслителей, а эти несчастные мыслители, если они честны и не мошенничают при постройке, как обыкновенные инженеры, не напрасно попадают в сумасшедший дом. Я всего несколько дней на земле, а уж не раз предомно мелькали его желтые стены и приветливо раскрытая дверь». Трудно не согласиться с сатаной: тот, кто честен и не мошенничает, имеет шанс попасть в сумасшедший дом, нечестные же трудятся над конструированием постройки, попав в водоворот интеллектуальной «жвачки» и калькулирующего мышления. Эти, гарантированные от желтого дома конвенциональными правилами науки, тем не менее находят не вполне *в себе* в том смысле, что познают вопросы души *вне себя*, а не *из себя*. Это — «абаутисты» (Ф. Перлз), переключившие мыслительный труд на цифры и разговоры «о» предмете вместо вхождения «в» предмет. И от чего можно действительно угодить в желтый дом, так это от честности мысли, и самым блестящим примером такой честности являл собой великий ересиарх Ницше, от которого, как и нас, сатана скрыл иной род мышления, от которого не только не попадаешь в сумасшедший дом, но входишь в родную обитель здорового «другого ума», от которого веет идеями, способными просветлять мышление, согревать чувства и укреплять волю. Надо только перестать кружиться в мире видимости, познавая мертвый мир мертвым умом и результируя к логическому уродству. От этого не то, чтобы моментально становишься чертом, но беззаботно принимаешь участие в его игре, взамен того, чтобы предъявить ему и себе один и тот же иск. Уже осознание этого обеспечивает нас прочной мыслительной и волевой основой, в которую не проникнет даже черт, ведь «что ученому дано, то черту не разрешено» (27).

* Мефистофель о первых: «Однако вы и сами, дивы, \\\Так подозрительно смазливый! \\\Что, ежели румянцем щек \\\Прикрыт какой-нибудь порок» и о вторых, никогда неотрывных от земли собственное брюхо: «Змеи, моей пробабки следуй изреченью, \\\Подобье божие утратив в заключенье!» Одни — типичные ученые другие типичные сектанты от ученых и Бог обоих — конвенциональные правила морали или науки (Гете, указ.соч., стр. 291 и 72).

ЛИТЕРАТУРА

1. Л.Андреев, Дневник сатаны, Гельсингфорс, книгоизд. "Библион", 1921, 276 стр., www.andreev.org.ru
2. Л.Андреев, указ. соч.
3. Л.Андреев, указ. соч.
4. Личко А.Е., Психопатии и акцентуации характера у подростков, В: Психология индивидуальных различий. Тексты / Под ред. Ю.Б.Гиппенрейтер, В.Я. Романова. Санкт-Петербург, «Речь», 2009, 256 стр., Акцентуация, www.wikipedia.org
5. Иоганн Вольфганг Гете, Фауст (перевод Н.Холодковского), www.jgoethe.ru, стр. 15
6. Гете, указ. соч.
7. Корреляция. Статистика. Количество, «Википедия», www.wikipedia.org
8. Д.Р. Барановский, Человек желания. Биографическая статья, посвященная Луи Клоду де Сен-Мартену, www.teurgia.org
9. Гете, «Фауст» в переводе Б.Пастернака, собр.соч., т. 2, М., «Художественная литература», 1976, стр. 250
10. Гете, указ. соч., стр. 257
11. А. Анастаси, С. Урбина, Психологическое тестирование, 7-е издание, «Питер», 2009, стр. 189
12. Е.Б.Старовойтенко, Детерминация психического. Предмет и метод психологии, Антология., М, Академический проект, 2005, под ред. Е.Б.Старовойтенко, стр. 474-489

13. Б.Братусь, XVI Международные Рождественские образовательные чтения, 31 января, психологический факультет МГУ, www.psychology.net.ru
14. Jung C. G., Von den Wurzeln des Bewusstseins. Rascher. Zurich 1954, s.559, цит по: Г.Фоллмер, Эволюционная теория познания, www.gtmarket.ru
15. Гете, указ. соч., стр. 149
16. Вундт В., О наивном и критическом реализме. Имманентная философия и эмпириокритицизм, М.,1910, К. Г.Юнг, Мозаика души, www.naturalworld.ru
17. Гете, указ. соч., стр. 94
18. Р. Ассаджиоли, Психосинтез . Теория и практика. От душевного кризиса к Высшему «Я», М., 1994, изд-во «Relf-book», стр. 25
19. Х.Л. Борхес, Натаниел Готорн, Борхес, Оправдание вечности, М., «Ди-Дик», 1994, стр. 381
20. «Антропос», Энциклопедия духовной науки в двух томах, составитель Г.А. Бондарев, М., Институт общегуманитарных исследований, 1999 т. 2, стр.645
21. Метаморфозы душевных сил. 1, Миссия духовного знания, Казань, 1999, стр.34
22. Гете, указ. соч., стр. 71
23. Викицитатник, www.ru.wikiquote.org
24. Игнатий Брянчанинов, Переписка Святителя с учениками, Письмо ученику священноиноку Сергиевской пустыни, письменно обличавшему архимандрита Игнатия в изменчивости его расположения к окружающим вообще и к нему в особенности, www.russkiykrest.com
25. Дворецкая М. Я., Типы психологической организации человека, воссозданные по текстам Библии, сайт «Христианская психология и антропология» www.хра-spb.ru
26. Ф. Ницше, Антихрист, соч. в двух томах, М., 1990, изд-во «Мысль», стр. 668
27. Гете, указ. соч., стр. 250

Информация об авторе

Шавердян Гаяне Михайловна
(Республика Армения, Ереван)

Доктор психологических наук, заведующая кафедрой
социальной психологии
Ереванский государственный университет
E-mail: gms17@yahoo.com

Information about the author

Shaverdian Gaiane Mikhailovna
(Republic of Armenia, Yerevan)

Doctor of Psychology, Head of the Department of
Social Psychology
Yerevan State University
E-mail: gms17@yahoo.com